

Мирабов

Москва

1966 12

Дорогому Валентину Александровичу
Федину сердечно
В. Жданов

инв. 67

МОСКВА — ЯСНАЯ ПОЛЯНА — ТОМСК

Начало войны застало меня в Ленинграде. Я был командирован туда, чтобы передать в академическую лабораторию для реставрации ветхую записную книжку Л. Н. Толстого.

В воскресенье 22 июня 1941 года я был в Петергофе, и мне пришлось быть последним посетителем петергофского дворца — за нашей экскурсией навсегда закрылись двери музея; на другой день стали запаковывать вещи, а вскоре дворец сожгли фашисты.

В Доме ученых, где я остановился, ночью нас разбудила тревога. Окна выходили на Неву, мы всматривались в белую ночь за Петропавловской крепостью. Ничего не было видно, налет не состоялся, и вообще невозможно было представить, что пришло страшное время.

Сотрудница Дома ученых, ведавшая проездными билетами, удивлялась, почему так спешат уезжать, уверяла, что пройдет дня два и все уляжется.

На вокзале встретило непрерывно повторявшееся по радио объявление об отмене, в силу исключительных обстоятельств, всех дальних поездов. Решаю пробираться местными поездами, хотя не уверен, что имеются такие поезда по всему сквозному пути. Было несколько пересадок, и на одной станции (кажется, перед Бологим) почувствовалось дыхание войны. Прошел к Ленинграду товарный поезд, наполненный мобилизованными. Песен не было слышно. Дежурная по станции дала отправление, и я увидел ее глаза, полные слез.

На мою долю выпала честь много лет заведовать рукописным отделом Музея Л. Н. Толстого, то есть самым драгоценным наследством писателя. Рукописи хранились (и до сих пор хранятся) в оборудованной комнате-сейфе здания, где находился Музей нового западного искусства (теперь там Академия художеств).

По приезде из Ленинграда мы стали готовить эвакуацию рукописей Толстого, собирать сундуки и чемоданы у себя, у сослуживцев и знакомых. Набрали их пятнадцать. Одновременно готовились в дальнюю дорогу архив А. М. Горького и Музей А. С. Пушкина.

Эвакуация была поручена мне. Полномочия подписали вице-президент Академии наук О. Ю. Шмидт и нарком просвещения В. П. Потемкин. Кроме меня вагон официально сопровождали известный издатель, друг семьи Горького И. П. Ладыжников, технический сотрудник Института мировой литературы т. Фоменко (его имя забыл) и мой племянник В. Хорош. «Груз» направлялся в Томск, под покровительство Томского университета. Старались сохранять секрет-

ность — в дорожных документах было грубо указано: разные книги. За этим таились весь Толстой, весь Пушкин, весь Горький!

Выезд был назначен на 18 июля. В стальной кладовой собрались взволнованные сотрудники нашего музея. Только я один уезжал, и трудно сказать, чем больше была поглощена душа: разлукой или предстоящим ответственным переездом. Въехала во двор грузовая машина. Мы тронулись — в безвестность.

Погрузились на товарной станции Северной железной дороги в пудмановский товарный вагон. Вагон выкатили от пакгауза на запасный путь около станции Москва-3. Попытки продвинуться дальше ни к чему не приводили. Нам резонно отвечали: надо снаряды и хлеб везти, а ваши книги подождут. Кое-как к вечеру перегнали на Лосиноостровскую-сортировочную и поставили в длинный хвост около северной башни.

И вдруг первый налет на Москву!

С Лосиноостровской видны полыханья над городом, доходят раскаты взрывов. Немецкие самолеты показались над станцией, оставляя дорожки дотеле невиданных трассирующих пуль. Кто-то бессмысленно кричит, что рядом спустился десант. С соседней платформы начинает ухать пушка. Мы сидим на рельсах под вагоном, оставив на всякий случай дверь открытой.

Иван Павлович Ладыжников и я отправились с первым утренним поездом в город настаивать на скорейшей отправке. Я пошел в наш музей, а И. П. Ладыжников — к Пешковым и оттуда прямо в ЦК партии. В сад Хамовнического дома в эту ночь упала зажигательная бомба, сразу обезвреженная дежурными. Когда я пришел на усадьбу, еще не улеглось возбуждение товарищей, принявших первое боевое крещение (большой налет на дом Толстого был на следующий день, когда нас уже не было в Москве).

Беседа И. П. Ладыжникова в ЦК дала немедленный результат: указание об ускоренном продвижении.

В пути наш вагон несколько раз перцепляли, и приходилось хлопотать, чтобы не оказаться в длинном хвосте — шли эшелоны с эвакуируемыми заводами. Мы подходили к диспетчерской башне, я поднимался наверх, Иван Павлович Ладыжников скромно стоял внизу у лестницы. Я обращался к диспетчеру с такой речью: «Посмотрите, внизу старичок. Это близкий друг Максима Горького, он едет с важным поручением. Прицепите вагон к ближайшему маршруту». Друг Горького! Это действовало ошеломляюще, и вагон с «книгами» продолжал двигаться на восток.

От мира мы оказались оторванными. Радио не доходило до нас, потому что